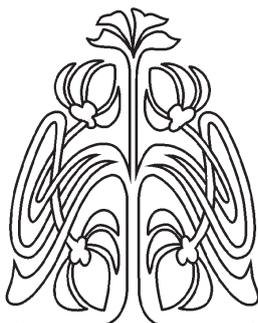

СОЦИОЛОГИЯ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2024. Т. 24, вып. 4. С. 368–374

Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2024, vol. 24, iss. 4, pp. 368–374

<https://soziopolit.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2024-24-4-368-374>

EDN: BFEXRT

Научная статья

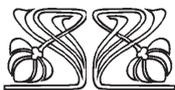
УДК 316.257

Кризис легитимности государственной власти в развитом капиталистическом обществе в критической социальной теории Ю. Хабермаса

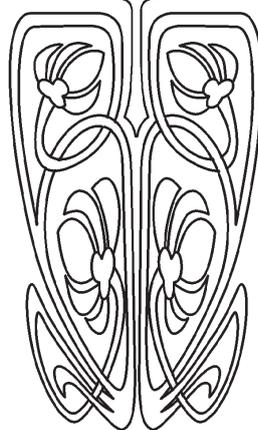
Я. А. Никифоров

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Никифоров Ярослав Александрович, доктор социологических наук, профессор кафедры социологии регионов, nikiforovy@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0325-1855>

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Аннотация. Статья посвящена проблеме кризиса легитимации государственной власти в развитом капиталистическом обществе в критической социальной теории Ю. Хабермаса. Сегодня на фоне происходящих тектонических сдвигов в миропорядке западные государства развитого капитализма сталкиваются с проблемами, разрешить которые властным элитам становится все труднее. Под угрозой утраты легитимности находятся такие категории, как государство, демократия. Кризис легитимности позднего капиталистического общественного устройства отнюдь не является новым феноменом для социальной науки. Размышления Хабермаса основаны на концепциях и принципах, разработанных им в рамках критической социальной теории. Он утверждает, что основным противоречием капиталистического порядка остается частное присвоение государственных богатств; в терминах дискурсивной модели практической рациональности – подавление генерализируемых интересов через отношение к ним как к частным. Вследствие этого политические решения не признают рационального консенсуса. Стабильность капиталистической социальной формации зависит от сохраняющейся эффективности легитимации, которая не выдерживает дискурсивной проверки. Центральной проблемой является отсутствие нормативной базы общественного согласия. Хабермас убежден в том, что можно обеспечить нормативное согласие на межсубъективной основе, обратившись к понятию неискаженной коммуникации. Можно установить какое-то нормативное соглашение, с точки зрения которого деятельности государства может быть придана легитимность. Не то чтобы это, вероятно, обеспечило легитимность либерального капиталистического государства, скорее, потребности и интересы, которые были бы основой нормативного соглашения и могли быть установлены в ситуации неискаженного общения, указывали бы путь к преобразованию капиталистического общества, модели господства которого заставляют людей систематически заблуждаться относительно своих мотивов и интересов.

Ключевые слова: Ю. Хабермас, кризис легитимации, развитый капитализм, нормативное соглашение, неискаженная коммуникация, практический дискурс, критическая социальная теория

Для цитирования: Никифоров Я. А. Кризис легитимности государственной власти в развитом капиталистическом обществе в критической социальной теории Ю. Хабермаса // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2024. Т. 24, вып. 4. С. 368–374. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2024-24-4-368-374>, EDN: BFEXRT

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The critical social theory of J. Habermas on the crisis of state power legitimacy in the advanced capitalist society

Ya. A. Nikiforov

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Yaroslav A. Nikiforov, nikiforovy@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0325-1855>

Abstract. The article is devoted to the problem of the crisis of the state power legitimization in advanced capitalist society studied in the critical social theory of J. Habermas. Today, against the background of ongoing tectonic shifts in the world order, the Western states of advanced capitalism are facing the problems that are becoming increasingly difficult for the ruling elites to solve. The categories such as the state and democracy are under the threat of loss of legitimacy. The crisis of legitimacy of the late capitalist social order is by no means a new phenomenon for social science. J. Habermas's reflections are based on concepts and principles developed by him within the framework of critical social theory. He argues that the main contradiction of the capitalist order remains the private appropriation of state wealth; in terms of the discursive model of practical rationality: the suppression of generalized interests through treating them as private. As a result, political decisions do not recognize a rational consensus. The stability of the capitalist social formation depends on the continued effectiveness of legitimation, which does not stand up to discursive scrutiny. The central problem is the lack of a regulatory framework for public consent. J. Habermas is convinced that it is possible to ensure normative agreement on the intersubjective basis by referring to the concept of undistorted communication. It is possible to establish some kind of regulatory agreement, from the point of view of which the activities of the state can be given legitimacy. Not that this is likely to ensure the legitimacy of a liberal capitalist state; rather, the needs and interests that would be the basis of a normative agreement and that could be established in a situation of undistorted communication would point the way to the transformation of a capitalist society, which models of domination cause people to systematically err about their motives and interests.

Keywords: J. Habermas, crisis of legitimization, advanced capitalism, normative agreement, undistorted communication, practical discourse, critical social theory

For citation: Nikiforov Ya. A. The critical social theory of J. Habermas on the crisis of state power legitimacy in the advanced capitalist society. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2024, vol. 24, iss. 4, pp. 368–374 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2024-24-4-368-374>, EDN: BFEXRT

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Сегодня на фоне происходящих тектонических сдвигов в миропорядке все более очевидным становится кризис западной модели общественного устройства. Коллективный Запад, репрезентируемый странами G7, ежедневно сталкивается с нарастающим снежным комом нерешенных социальных, политических, экономических и других проблем. Нынешние властные, политические элиты не справляются с их решением. Перечень проблем значителен и внушителен: сокращение и оскудение среднего класса (традиционного основания западного общества); проблемы миграций и социальной интеграции мигрантов; активное продвижение «зеленого курса» и идеологическая борьба с традиционной энергетикой; агрессивная борьба с традиционными ценностями и исторической идентичностью, продвижение ценностей ЛГБТ, культура отмены и критическая расовая теория. В итоге этих процессов рушится единство обществ западных стран, размываются его ценностные основы и идентичность. Сегодня под угрозой утраты легитимности находятся такие, казалось бы, неколебимые категории, как государство, демократия. Вполне естественно, что такие серьезные сдвиги нуждаются в осмыслении и поиске

рецептов преодоления кризисных явлений. Политические режимы западных стран остро нуждаются в восстановлении исчезающей легитимности, т.е. согласия общества с государственной властью, его добровольного признания за ней права принимать обязательные для всех решения.

Однако кризис легитимности позднего капиталистического общественного устройства отнюдь не является новым феноменом для социальной науки, он находится на повестке дня в большей или меньшей степени остро уже свыше полувека. Впервые поставил проблему и выработал первые подходы к ее осмыслению один из ярчайших мыслителей современности, представитель франкфуртской школы социологии Ю. Хабермас. Тенденция развития дефицита легитимации в современных капиталистических государствах является, по его мнению, фундаментальной проблемой для таких обществ и наиболее очевидной угрозой их выживанию. Таким образом, концепция легитимации имеет центральное значение для Хабермаса, и под ней он понимает, что существуют веские аргументы в пользу того, что утверждение политического порядка считается правильным и справедливым, пока

признается ценность политического порядка. Проблема кризиса легитимации заключается в том, что растущее вмешательство государства в экономическую деятельность может стать легитимным для тех, кто затронут влиянием государства в этой сфере. Главный вопрос заключается в том, существуют ли в обществе нормативные ресурсы, на которые государство может опираться для обоснования и поддержания вмешательства в общественную жизнь, чтобы избежать дисфункциональных последствий для общества?

Размышления Хабермаса о противоречиях и кризисных тенденциях, эндемичных для «продвинутого» или «организованного» капитализма, основаны на концепциях и принципах, разработанных им в рамках критической социальной теории. Если коротко, он утверждает, что основным противоречием капиталистического порядка остается частное присвоение государственных богатств; в терминах дискурсивной модели практической рациональности – подавление генерализируемых интересов через отношение к ним как к частным. Вследствие этого политические решения, отражающие существующий организационный принцип общества *ipso facto*¹, не признают рационального консенсуса. Они не могут быть оправданы общим и неограниченным обсуждением того, что в свете существующих и возможных обстоятельств отвечает наилучшим интересам всех, кого они затрагивают. Следовательно, стабильность капиталистической социальной формации зависит от сохраняющейся эффективности легитимации, которая не выдерживает дискурсивной проверки. Иными словами, проблема заключается в том, как распределить социально производимое богатство несправедливо и в то же время законно.

Критика Хабермаса, по существу, принимает марксистскую форму: семена нового общества вызревают в недрах старого. Но это критика с важными отличиями от марксистской. Во-первых, беременные будущим кризисные тенденции находятся не в экономической, а в социально-культурной сфере; они непосредственно касаются не воспроизведения материальных условий жизни, а воспроизводства надежных структур социального взаимодействия. Таким образом, Хабермас пытается обосновать вероятность кризиса легитимации, а не экономического коллапса. Другие важные

различия касаются структуры и статуса аргументации. Хабермас выделяет четыре типа «возможных кризисных тенденций» в развитии капитализма: тенденции, укорененные в системе функционирования экономики и управления; с потребностями в легитимации и мотивации [1, с. 77–86]. Любая из этих тенденций или, что более вероятно, их сочетание может перерасти в реальный кризис (впрочем, не обязательно, что он произойдет). Соответственно, вопрос, к которому обращается Хабермас, заключается в том, можно ли систематически предсказывать кризис развитого капитализма сегодня? Его ответ – не точное «да» и не точное «нет», а квалифицированное обоснованное рассуждение.

«Взаимосвязь экономической системы с политической, которая в определенной степени деполитизирует производственные отношения, в свою очередь усиливает потребность в легитимации: госаппарат, который уже не просто гарантирует, как при либеральном капитализме, общие условия производства в виде создания предпосылок стабильности процесса воспроизводства, но и инициативно в них включен, так же нуждается в легитимации, как и докапиталистическое государство» [1, с. 62].

Вопросы, поставленные Хабермасом, стали остро актуальны в последние годы из-за неспособности капиталистических государств поддерживать растущий уровень жизни для всех граждан. Более того, он полагает: мнение о том, что фундаментальные проблемы легитимации могут быть ликвидированы в результате дивидендов экономического роста, всегда является ошибочным, так как эти проблемы усугубились самим успехом капиталистического развития. Капитализм укрепил ожидания относительно потребления, и это усилило давление на правительства с целью заставить экономику производить больше товаров. Непредоставление товаров для удовлетворения ожиданий становится негативной характеристикой рынка, исправить которую стало задачей правительства. На более ранних этапах капиталистического развития, по мнению Хабермаса, функционирование капиталистического рынка опиралось на ряд интернализированных ограничений спроса и потребления, которые разрушил сам успех капитализма. Капитализм зависел от культурной традиции, которая прежде регулировала поведение и которая до сих пор могла предполагаться как ограничение по-

¹ Явочным порядком (лат.).

литической системы «по умолчанию». К числу культурных факторов, которые Хабермас считает важнейшими для поддержания капитализма, относятся: гражданский приватизм, семейный и профессиональный приватизм, религиозная этика достижения среднего класса, фатализм низших классов, протестантская этика и отказ от немедленного удовлетворения. Все эти факторы обуславливали как экономическую, так и политическую сдержанность и промышленную стабильность. Кроме того, они предоставляют целый ряд ресурсов, с точки зрения которых личность получает представление о своей собственной самобытности. Эти факторы составляют культурные ограничения капиталистического общества, но, как ни парадоксально, капитализм не может сам воспроизводить эти черты, а, напротив, его успех разрушает их, в результате чего капиталистические общества начинают «паразитически питаться остатками традиции», которую капитализм сам истощил: «...буржуазная культура в целом также никогда не могла воспроизводить саму себя из собственных фондов; она всегда зависела от мотивационно эффективного дополнения посредством традиционалистских картин мира» [1, с. 131].

Хабермас рассматривает предкапиталистическую культурную традицию как выполнение ряда функций по обеспечению социальной интеграции и формированию у людей чувства нравственной идентичности. Моральная основа торговли не может стать частью процесса торговли. Эта идея была, пожалуй, наиболее лаконично изложена в изречении Дюркгейма о том, что «в договоре не все договорно» [2, с. 199]. Экономическая деятельность зависит от согласия в отношении этого диапазона ценностей для эффективной работы. Без такого согласия, являющегося опорой того, что Хабермас называет миром социокультурной жизни, не было бы никаких оснований для экономического развития. Однако эти социальные ценности, по его мнению, изначально были основаны на религиозных убеждениях, а развитие капитализма само по себе разрушило религиозную основу этих убеждений и заменило их формой морального индивидуализма. Рост свободной экономической деятельности привел к развитию морального индивидуализма, желчь которого разъярила систему традиционных верований. Моральный индивидуализм принес субъективизм и невежество, а это

является негодным основанием для становления социальных ценностей, которые имеют центральное значение для рыночной деятельности. Если отсутствует убедительный механизм установления социальных норм, то эти нормы окажутся во власти индивидуальных интересов и толкования.

Хабермас последовательно рассматривает, критикует и отвергает возможные варианты выхода из сложившегося положения.

Первый: если проблема легитимации обостряется в результате растущей взаимосвязи между экономическим и политическим секторами, тогда наиболее очевидным решением будет попытка разорвать их, отказаться от государственного вмешательства в экономику с точки зрения поиска социальной справедливости и поддержать социал-натуралистские установления рынка как в принципе беспринципные. Таким образом, государство перестает быть источником обиды для тех, чья распределительная доля не соответствует их субъективному понятию заслуг и избегает нравственного наследия, на котором основан капитализм, отказываясь от мнения, что рынок ограничен какими-либо конкретными существенными моральными принципами. По мнению Хабермаса, этот вариант невозможен, так как функциональной слабости рынка в сочетании с тем фактом, что неограниченный рынок слишком четко выявит проявление социальной власти, будет достаточно, чтобы вызвать крах любой идеологической основы с точки зрения справедливости. «Условием являются равные шансы на участие в конкурентной борьбе, которая регулируется таким образом, что внешние воздействия могут быть нейтрализованы. Подобным механизмом распределения являлся рынок; однако с тех пор даже широким слоям населения стало известно, что посредством меновой торговли реализуется социальное насилие. Рынок как механизм распределения системно-конформных жизненных шансов по вкладу потерял свою убедительность» [1, с. 137]. Легитимация рынка не позволяет людям осознать свое достоинство и ценность и не создает никакой связи между личностью и социальной жизнью.

Второй вариант: практическая альтернатива проблеме легитимации в рамках либерального капиталистического государства заключается в принятии сочетания политики и экономики, превратив управление экономикой в чисто инструментальный административ-

ный сюжет. Проблемы управления становятся техническими трудностями, которые предстоит решить экономистам и администраторам. Такая теория, основанная на теории систем, стремится обеспечить автономность решения от договорного мира ценностей. Однако неудивительно, что Хабермас отвергает эту точку зрения, поскольку не видит, как она может избежать нормативных проблем. Если административные решения могут регулярно выполняться против интересов тех, кого они затрагивают, то это должно рассматриваться как выполнение признанных норм. Если это так, утверждает Хабермас, то должна существовать возможность того, что данные нормы будут защищены от критики, т. е. это зависит от мировоззрения, которое узаконивает авторитет административной системы. «Воспроизводство высококомплексных обществ не оставляет никакого другого выбора, кроме как закрепить необходимую рефлексивность общества не в демократически организованной общественности, а в административной системе, в достаточной мере, огражденной от партий и публики» [1, с. 219]

Мы вернулись к центральной проблеме: что это за нормы и как в современном мире они должны быть утверждены?

Хабермас убежден в том, что можно обеспечить нормативное согласие на межсубъективной основе, обратившись к понятию неискаженной коммуникации. Можно установить какое-то нормативное соглашение, с точки зрения которого деятельности государства может быть придана легитимность. Не то чтобы это, вероятно, обеспечило легитимность либерального капиталистического государства, скорее, потребности и интересы, которые были бы основой нормативного соглашения и могли быть установлены в ситуации неискаженного общения, указывали бы путь к преобразованию капиталистического общества, модели господства которого заставляют людей систематически заблуждаться относительно своих мотивов и интересов. Хабермас здесь рассуждает как об этике, так и о метаэтике. Этический смысл заключается в том, что он показал, что общественная жизнь действительно зависит от морального согласия как для утверждения базы для личной идентичности, социальных ценностей и целей, так и для обеспечения социально-нормативной основы, на которой может осуществляться интерессубъективная экономи-

ческая и политическая деятельность. Традиционная мораль выполняла эту роль, но либеральный капитализм сталкивается с кризисом авторитета, потому что он вызвал кризис социального единства. Традиционные нравственные связи были разрушены капитализмом, и нет ресурсов для обеспечения его власти. Требуется новое соглашение о нормах и ценностях для обеспечения социальной интеграции. Однако современное моральное мышление в высшей степени субъективно и невежественно, репрезентируя индивидуализм, который сам по себе является продуктом капитализма, и Хабермас вынужден развернуть метаэтическую теорию, чтобы продемонстрировать, как может быть сформировано такое соглашение. Это делается через идею неискаженного общения. В основе нового нормативного соглашения будут лежать потребности и интересы, которые, по мнению людей, являются общими. Достигается это через рассуждения, дебаты о своей жизни и своих целях в условиях отсутствия любого давления со стороны власти.

На первый взгляд эта идея может выглядеть предельно идеалистической, «не в ногу с реальностью», по мнению Лумана. Но Хабермас утверждает, что она не абстрактна и не мифична. Чтобы создать новую основу для нормативного согласия, и если это должно быть сделано путем обращения к контрфактуальному понятию согласия, достигнутому в ситуации неискаженного диалога, то так или иначе это должно выглядеть как не совсем абстрактное и лишнее здравого смысла и повседневного опыта. По мнению Хабермаса, идея неискаженного общения, хотя и контрфактуальна, не является абстракцией обычной речи и дискурса, потому что приверженность истине и рациональности содержится внутри обычного дискурса.

«Как бы ни деформировалась интерессубъективность взаимопонимания, конструкция идеальной речевой ситуации обязательно подразумевается в структуре потенциальной речи, поскольку вся речь, даже намеренный обман, ориентирована на идею истины. Эта идея может быть проанализирована в отношении консенсуса, достигнутого в ходе неограниченных и универсальных дискуссий. В той мере, в какой мы осваиваем средства построения идеальной речевой ситуации, мы можем осмыслить идеи истины, свободы и справедливости, которые проникают друг в друга» [3, с. 368].

Речь вообще, считает Хабермас, подразумевает приверженность определенным универсальным стандартам – истинности, обоснованности, рациональности и т.д., и можно получить некоторый контроль над тем, что мы понимаем под этими понятиями из идеи дискурсивно согласованного консенсуса, свободного от господства, при котором все участники диалога имеют равный доступ к диалогу, все ко всем относятся с уважением, и единственным принуждением является приверженность аргументации и стремление к диалогу. Если принять, что в содержании речи содержатся определенные социальные ценности, то существует вероятность определить условия, при которых могли бы быть достигнуты регулятивные идеалы, воплощенные в речи. Это возможно в дискурсивном диалоге, не искаженном властью. Нормативные требования, вытекающие из такого дискурсивного консенсуса, будут иметь силу. При данном подходе рождаются нормы, которые могут быть приняты всеми. Таким образом, проблема, возникшая в кризисе легитимации, становится для Хабермаса вопросом: каким образом на конкретном этапе развития при данном состоянии развития производительных сил члены определенной общественной системы коллективно обязывающим образом интерпретировали бы свои потребности и какие нормы они признали бы справедливыми, если бы с достаточным знанием пограничных условий и функциональных императивов своего общества они могли бы и хотели в дискурсивном волеобразовании определять организацию общественных отношений? [1, с. 187]. Ученый пришел к выводу, что если бы нормы капиталистического общества могли бы выдвигаться для рационального рассмотрения без насилия, они не были бы одобрены теми, кто в настоящее время им привержен. Проблемы легитимации нельзя решить без нового нормативного соглашения, которое может быть обеспечено только рациональным консенсусом, описанным Хабермасом. Если этого не сделать, то общество останется с невежественным взглядом на мораль, основанную на пропаганде (в основе которой лежит неестественное согласие, а не дискурсивный диалог и стремление к истине). Реальная политика и этика тесно связаны в теории Хабермаса: «...практические вопросы являются истинностными. Если это так, то нормы, которые могут быть легитимированы, следу-

ет отличать от норм, которые стабилизируют отношения власти. До тех пор пока нормы выражают универсализуемые интересы, они основываются на разумном консенсусе (или же они могли бы найти подобный консенсус, если бы практический дискурс имел место). Если же нормы не регулируют универсализуемые интересы, они основываются на насилии» [1, с. 183].

Основными трудностями практической реализации теории легитимации через дискурсивный всеобщий диалог представляются следующие.

Во-первых, в неискаженной речевой ситуации людей будут волновать рассуждения о нормах, которые могут стать основой нового соглашения, и они станут руководствоваться в этом неявными ценностями. Диалог будет касаться выявления общих потребностей, интересов, блага, единства и т.д. Но почти наверняка такие сложные концепции, как эти, всегда будут оспариваться, просто из-за априорных различий во взглядах на человеческую природу и реалии общественной жизни. Вполне может быть, как утверждает Хабермас, что в обществе, отмеченном неограниченным использованием социальной власти, одна из интерпретаций этих понятий становится доминирующей и превращается в «идеологию», но это не означает, что если бы источники господства и власти были исключены, было бы возможно прийти к единому и идеологически нейтральному набору терминов для определения нормативного соглашения.

Во-вторых, делегитимация развитых капиталистических обществ так и может остаться перманентным латентным кризисом без всяких социальных последствий. Регулируемый государством капитализм, возникший как реакция на опасности для системы, порождаемые открытым классовым антагонизмом, приостанавливает классовый конфликт. Система развитого капитализма определяется политикой избегания конфликтов через обеспечение лояльности масс, получающих заработную плату, посредством вознаграждений и т.д. Поэтому то, что конфликт все еще встроено в структуру общества в силу частного способа использования капитала, является той самой областью конфликта, которая имеет наибольшую вероятность остаться скрытой. Политическая система включает в себя заинтересованность, которая выходит за пределы

классовых границ, в сохранении компенсаторного распределительного фасада. В определенных слоях и группах может накопиться так много последствий неравенства, что могут произойти социальные взрывы, напоминающие революцию. Но если они не связаны с протестным потенциалом других слоев общества, никакие конфликты, возникающие из-за такого неблагополучия, не могут опрокинуть систему, они могут спровоцировать ее только на резкие реакции, несовместимые с формальной демократией. Призывы Хабермаса к новому социально-нормативному соглашению сохраняют анонимный характер, обращенный к «человечеству как таковому» и, таким образом, ни к какой группе в особенности. В отсут-

ствии идентифицируемого «агента социальной трансформации» критическая социальная теория вынуждена оставаться на уровне указания на широкие кризисные тенденции, присущие структуре развитого капитализма.

Список литературы

1. Хабермас Ю. Проблема легитимации позднего капитализма / пер. с нем. Л. В. Воропай. М. : Праксис, 2010. 264 с. (Образ общества).
2. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда: Метод социологии : пер. с фр. М. : Наука, 1991. 572 с. (Социологическое наследие. СН).
3. Habermas J. Towards a theory of communicative competence // Inquiry. 1970. Vol. 13, iss. 1–4. P. 360–375. <https://doi.org/10.1080/00201747008601597>

Поступила в редакцию 23.05.2024; одобрена после рецензирования 15.06.2024; принята к публикации 09.08.2024; опубликована 29.11.2024

The article was submitted 23.05.2024; approved after reviewing 15.06.2024; accepted for publication 09.08.2024; published 29.11.2024